

Праздник моего народа

Сегодня молдавский народ отмечает четверть века своей республики. В зеленых рощах, в золоте пшеницы — Молдавия, счастливая свободная. Растет ее промышленность, богатеют колхозы, расцветает культура.

Если подняться по шоссейной дороге от Балаша к Килинам, взору откроются высокие склонные холмы. На больших участках земли, окаймленных садами, работают люди. Сыщен грунт тракторов. Колхозники вышли на осенний сев. Среди них почти не встретишь неграмотного. Об этом хорошо сказал молодой колхозник Плугару из Бирнштадского района. Плугару совсем недавно научился писать. И первым письмом в его жизни было заявление на извлечении страниц, посланное в адрес инциативной группы крестьян, решивших организовать в своем селе сельскохозяйственную артель. «Стоять так высоко и быть неграмотным — это простосты», — писал Плугару, под высоким местом подзумевая не только холм, на котором расположена его деревня, но и то положение, какое занимает сейчас труженица молдаван. «Я отдала даже Молдову вижу, и она меня видит. И мы были как-то неуклюже вступать в колхоз неграмотным. Поэтому я научился читать и писать».

Молдавия пришла к своему 25-летию с 80 процентами колективизации. По всей республике заканчивается ликвидация неграмотности. Два исторических в жизни молдавского народа момента в корне изменили облик республики в хозяйственном и культурном отношениях.

Ликвидирована собственная неграмотность, вступив в колхоз, молдавский крестьянин посыпал своих детей в школу, всячески помогает расширению сети школ. Метод народной стойки школ стал очень популярным в районах Молдавской республики. У нас сейчас 1.924 школы, в которых работают 12.433 учителя и учатся 365.401 школьников.

В нынешнем учебном году введено всеобщее семилетнее обучение в селах и дистанционно — в городах и в 21 районном центре.

Вспоминается, как 28 июня 1940 года, в день освобождения Бессарабии Советской Армией, в селе Паулешты встретились два учителя-молдаваны. Один из села Чобручи Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики, другой из правобережной Молдавии. Учителя из Чобручи рассказали о культурном росте своего села со дня образования Молдавской республики — 12 октября 1924 года. В 1939 году в селе Чобручи было 3 семилетние школы, 35 учителей, 3 колхозных клуба, 6 красных уголков, 4 библиотеки, 2 кинотеатра, 3 духовых оркестров. Жители села выписывали 1.346 экземпляров газет и 562 журнала. Из села вышли 2 инженера, 6 учителей, 4 офицера Советской Армии, 3 врача, один агроном, 7 советских и 3 цартийных работника. Учителя из Паулешты сказали с удивлением: «Здесь, в Бессарабии, и в уездном городе такого не было! — добавила, покраснев: — «В нашем селе закрыты единственная начальная школа, и я вот уже 2 года, как «шөмер» (безработный)»...

Молдавский народ правобережья знал о светлой жизни белобережных братьев Бессарабии, во главе с подпольной коммунистической партией, бородясь за присоединение к Советской Молдавии. За два десятка лет в Бессарабии было свыше 200 восстаний против оккупантов. В 1924 году, накануне образования Автономной Советской Молдавской Республики, бессарабцы подняли флаг известного Татар-Бунарского восстания. Попытка трона Фердинанда I Королевской Румынии направила на Кишинев и Бендеры, Бельцы и Сороки жара всех своих сородичей. Братскими мотивами покрылись на землеморийный край. Горькими реками потекли по долинам слезы сирот. Отгремев и синоптом жгли плачи все, что напоминало русское, советское. Была сожжена Пушинская аудитория на Садовой улице в Кишиневе. Долгом была сбыта русская надпись на пьедестале памятника Пушкину в городском саду. Но никаким долгом нельзя было стереть в сердце молдаван любовь к Советской России, к русской культуре, к братским советским народам.

Молдавия воссоединилась!

В годы Великой Отечественной войны молдавский народ вместе со всеми народами могучего Советского Союза, по привыку и под руководством партии Ленина — Сталина, поднялся на священную борьбу против немецко-румынских фашистских захватчиков.

В летописи войны вписаны геройские подвиги славных сынов и дочерей молдавского народа. Родина высоко оценила эти подвиги и мужество.

Своим освобождением от немецко-фашистского ига молдавский народ обрал геройской Советской Армии, братским народам Советского Союза и прежде всего великому русскому народу, непобедимой партии большевиков, организатору и вдохновителю всех наших побед товарищу Сталину.

Благодаря помощи партии и Союзного правительства республика быстро восстановила разрушенное войной хозяйство.

Мы гордимся тем, что поднятые народом из руин заводы в фабрики заняты сейчас в два раза больше, чем до войны, консервы и кожа, одежды и вина, масла и обувь. Годастое волнение охватывает нас, когда

Емилиан БУКОВ

Юбилейная выставка в Кишиневе

КИШИНЕВ. На днях в республиканском художественном музее открылась выставка изобразительного искусства, посвященная 25-летию Молдавии. Экспонировано около 300 работ — живопись, графика, скульптура.

Выставка открывается болгарской скульптурой портрета товарища И. В. Сталина, исполненного И. Паровченко.

Внимание посетителей привлекает также монументальное полотно художника Григорашенко, Шубина в Магере, на котором запечатлен момент приема делегации молдавского народа руководителями партии и правительства. Художник Гамбурт выста-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Мужественные образы народных героев Григория Котовского и Сергея Лазо нашли свое отражение в работах художников и скульпторов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена показу замечательных достижений сельского хозяйства, промышленности и культуры Советской Молдавии. Среди них — работы скульпторов Дубиновского «Виноград», Добринского — бюсты Героев Социалистического Труда А. Качоровского и М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выста-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

и Котовского и Сергея Лазо нашли свое от-

ражение в работах художников и скульп-

торов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена

показу замечательных достижений сель-

ского хозяйства, промышленности и культу-

ры Советской Молдавии. Среди них — ра-

боты скульпторов Дубиновского «Виногра-

да», Добринского — бюсты Героев Соци-

алистического Труда А. Качоровского и

М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выста-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

и Котовского и Сергея Лазо нашли свое от-

ражение в работах художников и скульп-

торов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена

показу замечательных достижений сель-

ского хозяйства, промышленности и культу-

ры Советской Молдавии. Среди них — ра-

боты скульпторов Дубиновского «Виногра-

да», Добринского — бюсты Героев Соци-

алистического Труда А. Качоровского и

М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выsta-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

и Котовского и Сергея Лазо нашли свое от-

ражение в работах художников и скульп-

торов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена

показу замечательных достижений сель-

ского хозяйства, промышленности и культу-

ры Советской Молдавии. Среди них — ра-

боты скульпторов Дубиновского «Виногра-

да», Добринского — бюсты Героев Соци-

алистического Труда А. Качоровского и

М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выsta-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

и Котовского и Сергея Лазо нашли свое от-

ражение в работах художников и скульп-

торов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена

показу замечательных достижений сель-

ского хозяйства, промышленности и культу-

ры Советской Молдавии. Среди них — ра-

боты скульпторов Дубиновского «Виногра-

да», Добринского — бюсты Героев Соци-

алистического Труда А. Качоровского и

М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выsta-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

и Котовского и Сергея Лазо нашли свое от-

ражение в работах художников и скульп-

торов Григорашенко, Китайко и других.

Значительная часть картин посвящена

показу замечательных достижений сель-

ского хозяйства, промышленности и культу-

ры Советской Молдавии. Среди них — ра-

боты скульпторов Дубиновского «Виногра-

да», Добринского — бюсты Героев Соци-

алистического Труда А. Качоровского и

М. Малай, Краковская — «Путешественник».

Внимание посетителей привлекает также

монументальное полотно художника Гри-

горашенко, Шубина в Магере, на котором

запечатлен момент приема делегации мол-

давского народа руководителями партии и

правительства. Художник Гамбурт выsta-

гивает картину «Искра» в Кишиневе. Муж-

ественные образы народных героев Григор-

Владимир Маяковский и советская поэзия

К итогам дискуссии

берет
гримучую
в 20 жал
змею
двуухметровую.

В поэме «Рабочий день» М. Луконин пишет за Маяковским в раскрытии подлинной поэзии и романтике социалистического труда. Близка его поэма стихам Маяковского и своей разговорной публицистической интонации, которая подчинает себе строение и звучание стиха, порождает новый ритм.

Не только такие советские поэты, как К. Симонов, М. Луконин, продолжают в своих стихах традиции Маяковского. Растет и поэтическая молодежь, стремящаяся сменить традициям лучшего советского поэта.

В последнее время появляются поэмы молодого поэта Георгия Горностаева «Тула» и «Кремлевские звезды». Обе они посвящены актуальным темам нашей современности. Первая поэма рассказывает о геройской защите Тулы, вторая — о строительстве дома в городе послевоенной сталинской пятилетки. Горностаев стремится создать образы героев нашего времени — Александра Чекатина («Тула»), строителя Храпова («Кремлевские звезды»). Поэмы Горностаева согреты живым патриотическим чувством, любовью к советской земле. Москва — «голова планеты». В лучших стихах взволнованно звучит лирический голос автора.

Вот несколько строк о бессмертии Александра Чекатина:

...С тех пор,
вездесущий,
сквозь лунную дымку,
средь белого дня
и в любую погоду.
ходил он
мстителем-невидимкой,
неуловимой
на битву-охоту.
Взлетали кафе с генералами
вместе,
вагоны вертились волчками,
и всюду, как символ ликующей
месты,
два слова сигнальные:
— Сделал Чекатин!

Уже один этот отрывок показывает несомненную талантливость автора. Однако его поэмам присущи и серьезные недостатки, связанные прежде всего с тем, что автор еще мало, недостаточно глубоко учится на Маяковского.

Маяковский явился поэтом советской действительности, в ней заключалась для него, как для подлинного советского патриота, вся красота, вся поэзия, вся правда жизни.

От произведений Маяковского веет духом пролетарской борьбы. Читая его поэмы, стихи, очерки, фронтовые пластины, мы словно слышим железный гул сражений «последнего и решительного», победного боя за социализм, открывшего новую эру в развитии человечества.

Поэт воплотил в своих стихах великий призыв Ленина: «Долой литераторов бессмысленных». Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...

Поэтическое слово Маяковского — это грозное, безотказное, проверенное в деле, хорошо пристрелянное оружие.

«...Великолепным образом служения

советскому народу является Маяковский», — сказал М. И. Калинин. — Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился сиять и ненависти созерцательности, пассивного отношения к жизни.

В «Кремлевских звездах» мы не раз, к сожалению, сталкиваемся с поверхностным, пассивно-описательным отношением к изображаемой жизни.

Улицы карусель,
любопытного убийца!
Все оглазено,
все зарифмовано.

— заявляет автор в начале поэмы, и член дальше читает ее, тем больше чувствует неслучайность этого заявления.

Или же —

и рот разинешь:

скажи

на милость,

в Туле

есть завод

резиновый.

Ишь, труба

задымилась!

Так, конечно, не скажет активный участник жизни, боевой соратник строителей

в их многорудных делах. Здесь — итонация наблюдателя, «глазующего» со стороны.

Характерны с этой точки зрения взаимоотношения поэта и главного героя монолога Храпова. Храпов работает, а поэт дожидается конца рабочего дня, чтобы задать ему несколько «репортажных» вопросов. Читатель не чувствует глубокой связи между ними, не видит, что поэт нашел свое место в рабочем строю. И понятно, что несколько белых, поверхностных разговоров с Храповым, которые описал Горностаев, не могут убедительно раскрыть образ.

Воспроизведение стиля Маяковского часто искит от Горностаева внешний, подражательный характер. Хорошо, конечно, что он, следя за своим великим учителем, пишет новых, необычайных, богатых звучий. Но рифма у Маяковского — это прежде всего средство усиления смысловой выразительности стиха.

Когда, например, Маяковский пишет:

Смерть —

не сметь!

мы чувствуем, что рифма здесь не «нейтральная» к мысли, а, наоборот, смыта с нее. Горностаев же часто в поисках удачной, «маяковской» рифмы жертвует ясностью и доходчивостью мысли.

Например, найдя рифму «Черчилль — не черти ли», он заставляет Храпова так говорить по поводу прочитанной газеты:

— Читали о Черчилле?

Ну не черти ли?

Рифма получилась оригинальная, но эта фраза звучит совсем не так, как это хотелось автору. Их нее какая-то дробущая интонация, совершенно неуместная здесь по замыслу.

Таким образом, внешне подражая стилю В. Маяковского, Горностаев обнаруживает подчас серьезные расхождения с ним в отношении к изображаемой действительности и в отношении к форме, которая для Маяковского никогда не была самоцелью.

В этом смысле были права Ир. Питляр, выступая против односторонней, внешней учебы у Маяковского («Литературная газета» № 68, 1949 г.).

Справедливо писал Ал. Сурков о том, что плодотворная креативная учеба у Маяковского не должна сводиться к копированию, имитации стиха Маяковского («Литературная газета» № 72, 1949 г.).

И, наоборот, нельзя согласиться с С. Бирсановым, когда он поощряет эту внешнюю, формальную учебу и тем самым ограничивает роль и значение Маяковского — учителя современных поэтов, сводит ее исключительно к вопросам стихотворной формы. Именно поэтому-то он и не видел никаких существенных недостатков в содержании поэм Горностаева.

Самый главный вывод, который должны сделать из дискуссии и Горностаев и другие молодые поэты, состоит том, чтобы чтобы изучение настоящей поэзии не сводилось к ее сущностям и недостаткам в содержании поэм Горностаева.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Ал. Сурков в статье «Учиться, но не имитировать» («Литературная газета» № 72, 1949 г.) правильно писал о «каноне, видовом, интонационном богатстве и разнообразии советской поэзии», в которой слышны «и мощные звуки органа, и лирический голос скрипки», сливаются в богатое звучание симфонического оркестра.

Традиция Маяковского ни в коей мере не «отменяет» творческого опыта передовых поэтов нашей современности, как не отменяет она и наследия великих поэтов прошлого.

Формула С. Кирсанова: «Стихи Маяковского — это пушкинский стих сегодня» — неверна уже потому, что пушкинский стих не «отменен» стихом Маяковского, он, пушкинский стих, звучит и живет сегодня, и не только в стихах Маяковского, но и, по-иному, в творчестве других поэтов. Мало того: возможности, таящиеся в старом «классическом» пушкинском стихе, еще не исчерпаны, как тем более далеки от них новые возможности, которые раскрылись перед поэтами в итоге деятельности Маяковского.

Не всякое воспроизведение формы Маяковского есть имитация, как не есть имитации классиков — повторяющиеся в течение полутора веков воспроизведение классических размеров все новыми и новыми поэтами. Дело в новом содержании, преодоленном мировоззрением поэта, его индивидуальностью, взглядами на вещи, темпераментом, складом характера. Это порождает новую интонацию, новую образность, как бы новую внутреннюю структуру уже не новой ритмики.

Нельзя противопоставлять друг другу поэзию Маяковского и русскую классическую поэзию. При всем внешнем кажущемся несходстве этих поэтических стихий, несомнена живая, глубоко законочмерная связь Маяковского с вековой традицией русской национальной поэзии. Громоподобные оды Ломоносова и Державина, гневные трибуны стихи Рылеева и Радищева, могучая патриотическая лирика Пушкина и Лермонтова, творчество Есенина, воспевшего «необузданную, дикию к угнетателям вражду» и великую любовь к народу, — все это питало и обогащало позицию Маяковского.

Нельзя согласиться с утверждением Ир. Питляра о том, что попытка Горностаева «воскрепить» поэзию Маяковского приводит к совершенству противоположных результатов, — нельзя согласиться потому, что поэтика Маяковского не умирает, она живет наши дни и развивается в творчестве современных поэтов. И — добавим к этому — еще далее недостаточно различается у Маяковского — еще далее недостаточно глубоко учится на Маяковского.

Нельзя согласиться с утверждением Ир. Питляра о том, что попытка Горностаева «воскрепить» поэзию Маяковского приводит к совершенству противоположных результатов, — нельзя согласиться потому, что поэтика Маяковского не умирает, она живет наши дни и развивается в творчестве современных поэтов. И — добавим к этому — еще далее недостаточно различается у Маяковского — еще далее недостаточно глубоко учится на Маяковского.

Другая неправильная тенденция состоит в том, чтобы обвинять поэтику Маяковского единственно допустимым каноном, отменяющим все другие творческие направления в поэзии.

Стих Маяковского — это поистине всеядный и, если так можно выразиться, «всеплатформенный» достояние. Поэтому ошибочна мысль, прозвучавшая в статье Н. Асеева о том, что «если наследников (Маяковского) — Ред. — много, то размельчение наследства недолго», как неверны и попытки С. Кирсанова обвинять устаревшим и непригодным или поставить под сомнение опыт поэтов, которые пишут в итоге поэтическим «ключом».

По словам С. Кирсанова, Н. Тихонов «следует А. Блоку», «Михаил Ильинский в своем творчестве продолжает поэтическую традицию Ивана Никитина», но все это, дескать, боязные пути нашей поэзии. «Стихи Маяковского», — пишет С. Кирсанов, — это пушкинский стих сегодня!»

Несмотря на отдельные оговорки, Кирсанов как бы хочет сказать: все, что было до Маяковского, теперь уже старо, а то, что пишется сейчас, — и не похоже на стих Маяковского, неинтересно и неправомерно.

Сам Маяковский с исчерпывающей ясностью сказал о том, что он никогда не считал свой творческий путь единственным возможным для других поэтов.

В своем замечательном «Послании профсоюзным поэтам» он говорил:

— Я кажусь вам
академиком
с большим задом,
один, мол, я
жрец
познаний непролазных.

А мне
в действительности
единственное надо —

чтобы больше поэтов
хороших
и разных...

Товариши,

бросим

замашки торгашы

— мой, мол, поэзия — мой лазб!

— все, что я сделал,

— все это ваше —

рифмы,

темы,

дактия,

бас!

Маяковский всегда смеялся над теми, кто полагал, что его стихи дают всем его последователям раз и навсегда готовую форму. «Всесоюзно разнообразные способы технической обработки слова...», — говорил он. — «Новизна, новизна материала и приема, обязательны для каждого поэтического произведения» («Как делать стихи»).

Социалистический реализм — это величайшее и разнообразие самых различных творческих индивидуальностей, объединенных общностью политических целей, взглядов, мировоззрения. Это богатство воплощено в лучших произведениях советской литературы.

В своей исторической статье «Партийная организация и партийная литература» («Литературная газета» № 72, 1949 г.),

В. И. Ленин, раскрывая главные черты новой литературы эпохи борьбы за социализм, формулируя принцип партийности литературы, отмечал: «Спору нет, в этом деле (речь идет о литературном деле. — Ред.) безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальных склонностей, простора и фантазии, формы и содержания».

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

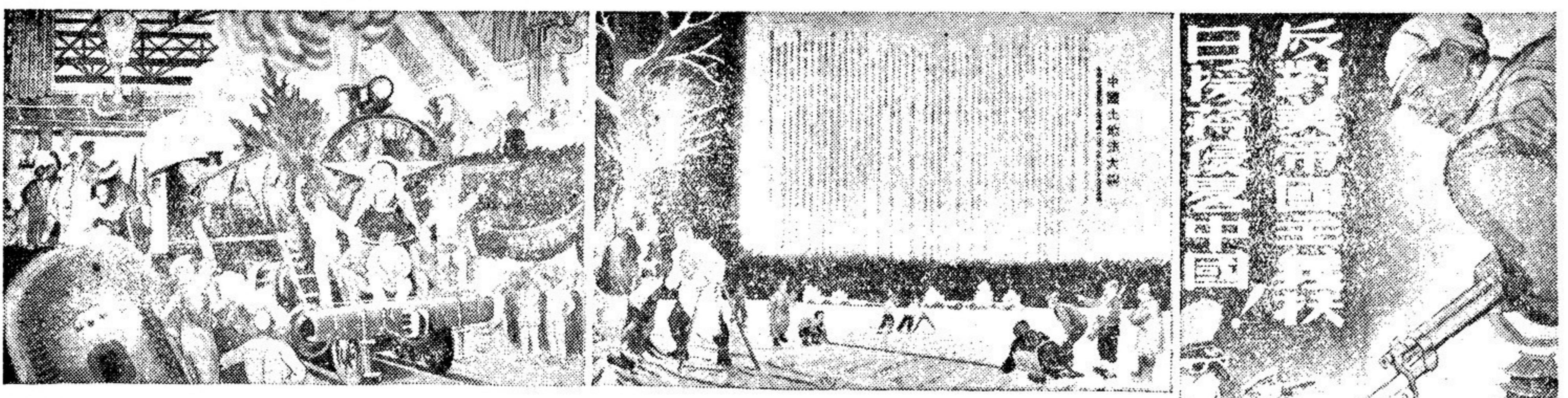
Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим наследником Маяковского, не будучи новатором. Поэтому ученики и продолжатели Маяковского — это не узкая группа «избранных», а пелорей отряд поэтов-новаторов, которые идут к одной политической цели разными политическими путями.

Быть истинным продолжателем Маяковского — значит следовать духу его поэзии, неустранять и находить новые смыслы, яркие и доходчивые способы выражения нужной мысли, образного раскрытия идеи произведения. Иначе говоря, нельзя быть настоящим

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

В Москве в Государственном музее восточных культур на выставке открылась выставка «Плакат и графика Народной Республики Китая». К экспозиции готовится около 250 произведений, отображающих героическую национально-освободительную борьбу великого китайского народа, его историческую победу и строительство новой жизни на освобожденной земле. Многие работы датированы 1949 годом. На выставке будут представлены

графика, революционный плакат, гравюра, политическая карикатура, литография, публикации. По мере поступления новых произведений выставка постепенно будет пополняться.

Сегодня мы воспроизведем две литографии и один из плакатов, поступивших в музей вчера. Литография «Далин. Большой паровоз — путь к фронту!» (первая слева) развивает тему возрождения промышленности новой республики. В центре пятинефной звезды, изображенной на груди мощного локомотива, — портрет вождя китайской революции Чжоу Ю-цяя. Вторая литография — «Раздел земли». На ней воспроизведен текст резолюции Всекитайского съезда коммунистической партии 1947 года об аграрной реформе.

Плакат «Долг американской империализации» (изображение бойца Народно-освободительной армии, завершающей очищение родной земли от предателей и врагов китайского народа).

На выставке будут представлены

литографии и одни из плакатов, поступивших в музей вчера. Литография «Далин. Большой паровоз — путь к фронту!» (первая слева) развивает тему возрождения промышленности новой республики. В центре пятинефной звезды, изображенной на груди мощного локомотива, — портрет вождя китайской революции Чжоу Ю-цяя. Вторая литография — «Раздел земли». На ней воспроизведен текст резолюции Всекитайского съезда коммунистической партии 1947 года об аграрной реформе.

Плакат «Долг американской империализации» (изображение бойца Народно-освободительной армии, завершающей очищение родной земли от предателей и врагов китайского народа).

Л. ЭИДЛИН

Китайская литература на подъеме

Прогрессивная китайская интеллигенция стоит в первых рядах борцов за новый Китай. Она имеет славные боевые традиции. Её старшее поколение поднимало «движение 4 мая 1919 года» за новую культуру. Великим героическим знаменением этого движения был основоположник новой китайской литературы Лу Синь, по выражению Мао Цзэ-дуня, «самый настоящий, самый мужественный, самый верный, самый преданный, самый страстный, невиданный доселе национальный герой».

В настоящее время происходит обединение прогрессивной интеллигенции всего Китая. В июле 1949 года состоялся Всекитайский съезд деятелей литературы и искусства, на котором присутствовало более 600 человек. Сюда прибыли люди, имена которых известны каждому китайцу, люди, которые много лет подряд борются за счастье народа. Были те, кто лишь в годы войны начали писать и уже сумели доказать свою преданность делу демократии.

Все лучшее, все самое талантливое собрал демократический лагерь. Центральный комитет коммунистической партии Китая в поздравительной телеграмме съезду отметил, что за трицать лет, прошедших со времени возникновения «движения 4 мая» за новую культуру, впервые обединяются деятели культуры в общегосударственном масштабе. Все это стало возможным благодаря победе народной революции, благодаря установлению народной власти.

Прогрессивная китайская литература за последние трицать лет прошла большой и нелегкий путь. Это были трицать лет борьбы с реакцией, с иностранными захватчиками, борьба за пропаганду китайского народа, за приближение литературы народу, за тесную связь с народом. И все эти годы китайская литература имела перед собой вдохновляющий пример советской литературы.

В мае 1942 года в Янчане произошло совещание по вопросам китайской литературы. На этом совещании Мао Цзэ-дун выступил с речью, которая определила дальнейший путь развития китайской литературы. Вождь коммунистической партии поставил перед писателями задачи, выполнение которых должно способствовать основной цели — служению народу. «Мы должны поднимать и возвеличивать народные массы», — сказал Мао Цзэ-дун, — труд и борьба народа, народную армию, народную партию.

...Все, что мы пишем, должно способст-

овать обединению, движению вперед, единодушию в боевом порыве, уничтожению всего отсталого, подъему всего революционного...»

Эти слова восприняты как руководство к действию не только яньцзянскими писателями, но и всеми передовыми литераторами Китая. В литературе освобожденных районов Китая, как это сказала в марте 1949 года одна из руководителей Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства критик Чжоу Инь, появилась новая героя — рабочие, крестьяне, солдаты. Эти героя были новыми не только потому, что они были рабочими или крестьянами, но и потому, что в них проявлялись новые черты освобожденного от гнета человека.

Когда войска Народно-освободительной армии освободили Мукден, писательница Цао Мин пошла на паровозостроительный завод. Она предложила выпускать заводскую стенную газету. Работчики за три дня написали тридцать статей, стихов, рисунков. Пусть они были не очень совершенны, эти впервые в жизни авторов написанные статьи, но в них было стремление к новой свободной жизни, была забота о своем заводе, были большие и нужные мысли.

Сейчас на заводе выходят общезаводская газета-многотиражка, организованы литературные кружки, оркестр, драматический коллектив.

Провелись могучие силы Чжоу Инь-да

народ, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захватчиков, центр деятельности прогрессивных писателей переместился на северо-восток, где стали выходить журналы «Литература северо-востока», «Знания» и др. В этих журналах пачкались небольшие рассказы в которых многое еще не было показано, но героями этих произведений были уже новые люди, люди демократического Китая. Выходили повести и рассказы о героях войны с Японией, о тех демократических преобразованиях, которые совершились на территории Центрального Китая. Они были созданы народом, подтверждавшие силы Чжоу Инь-да

на том, что наша эпоха есть эпоха народных героев. Вот об этих людях, о тех изменениях, которые они совершают в жизни, о тех изменениях, которые совершаются в их душах, и пишут китайские писатели.

После того как Советская Армия в августе 1945 года освободила Маньчжурию от японских захват